

размышления после концерта

Моск. правда, - 1991. - 21 мая

Вилли Токарев

и публика с челпчиками

Вас шокирует поведение молодежи на концертах рок-звезд? Эти обезумевшие глаза, эти тела, дергающиеся в экстазе... Не наше — заемное искусство, так подчас пытаются объяснить магическую для наших детей силу рок-музыки ее противники. Именно по впечатлению от зала. Но что это? В такой же обезумевшей толпе, рвущейся достать, смять артиста, оборвать рукав его пиджака или галстук с шеи, мы видели тринадцатого мая, когда транслировался по ТВ концерт Вилли Токарева, лица почтенных седовласых москвичей! Дюжие парни, охранявшие одессита, принимали на свои спины лавины восторгов, адресованные ему после того, как артист, сойдя со сцены в зал, исполнил каскад советских песен пятидесятилетней давности. «Расцветали яблони и груши», «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля», «Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, скажем прямо, делать нечего...». Наши будни, судьба, история — все в этих песнях, уже как бы нами отвергнутое, не вспоминаемое, стертое другими словами, другой музыкой, — все в исполнении певца окрасилось радостным и сильным звуком. Вилли Токарев, проходя меж зрителей, пожимал им руки, приветствовал, пел так, словно хотел сказать: народ, создавший такие песни, прекрасен и силен. И вы, девушка, прекрасны. И вы, отец, достойный и мужественный человек. И я пою о вас. Зрители, можно сказать, почувствовали себя словно окрыленными.

Самыми популярными в благотворительном концерте были советские шлягеры. Случайно ли?

40-х годов, если верить Мавзолее друга и учителя всех народов, не позволяли себе так бурно излить свою любовь, как сегодня, во время исполнения песен, славящих его время.

Да и не только этот неожиданный маневр барда — не знаешь, как сказать: нашего ли? — имел столь оглушительный успех. Успех (до признания в любви одной из зрительниц) имел каждый номер певца. Я говорю «номер», потому что песнями песни Токарева назвать нельзя. Мне они напомнили выступления на эстраде в 50-х годах под аккомпанемент саратовских гармошек известных в то время куплетистов Рудакова и Нечаева. Та-та-тата-та-тата: «Говорят, сегодня в ГУМе продается колбаса» (Рудаков) — «И, видать, та колбаса продается неспроста» (Нечаев). Или что-то в этом духе по форме и со скрытым намеком на наши несовершенства в содержании. Атмосферу эстрадных традиций 50-х годов очень поддерживал и старейший конферансье, как правило, и ведущий те давние праздничные концерты, Борис Брунов. Не появившийся на эстраде — за умиранием вообще своего амплуа — десятилетия, он вдруг явил нам наигранное веселье комика-простачка, задача которого сцепить воедино зал и сцену. И надо сказать, ему это в иные минуты удавалось, как прежде.

Вилли Токарев пел свои куплеты, однако, не под гармошку — целый эстрадный оркестр исполнял немудреные его мелодии. А стихи? Ну что это за рифмы: «А за стеною русский мат, а за стеною автомат»; или «Меня с концертом сюда позвали — и вот пою вам я в этом зале»? Детские считалочки, и те гораздо богаче в своей звуковой выразительности, чем эти куплеты. А русский мат присутствовал не только за уже рухнувшей берлинской стеной. Его с лукавой усмешкой домысливал зритель вслед за певцом: «Эх, хвост, чешуя, не поймал я ничего». Таких экскурсов в лексику компании «на троих» не позволял себе даже Владимир Высоцкий в своих ранних, «блатных», песнях, никогда, кстати, не исполнившихся публично. В его «Нинке-наводнице» даже по-своему целомудренность слышится: «А мне плевать, мне очень хочется». И порицали незабвенного Владимира Семеновича блюстители нравственности именно за эти его городские баллады.

Что это? Мы дошли «до ручки», не понимая, не принимая эстетическую систему рок-музыки и бурно распластав свои чувства перед артистом, приехавшим из Америки спеть нам «в этом зале» свои частушки? Справедливости ради надо сказать, что были и красивые песни, о Париже например. Но не они делали погоду, и не на них делал ставку Вилли Токарев.

И все же не все так однозначно, как кажется на первый взгляд. Даже этот вечер благотворительного, кстати, концерта Вилли Токарева очень точно поставил диагноз «болезни» советских зрителей. Артист, и это к его профессиональной чести сказано, своими песнями эмоционально безошибочно «нажал» на наши болевые точки. Самая главная из них — неудовлетворенная жажда открытого текста о том, что сегодня происходит. Гласность, которую провозгласили нам шесть лет назад, оказалась на поверку все же официальной гласностью, произносимой на своеобразной дистанции от рядового человека. В кино, скажем, — открыто сюжетов, подсмотренных в жизни. В газете — открыто высказанное мнение, не согласующееся, например, с желанием тех или иных цензоров. Но и при чтении, и в кинозале существует дистанция, отделяющая автора от зрителя, читателя. На эстраде же неотразимо действует фактор прямого воздействия артиста на человека в зале.

Причем артист с большим обаянием, с большим профессиональным мастерством может рассчитывать и на большой успех. Так и произошло в тот вечер. Вилли Токарев, «существующий» в наших домах в записях на магнитной пленке, покори московского зрителя не новостью еще никем не произнесенных тем, а прежде всего своим обаянием, своим хорошо (профессионально!) найденным обликом человека и артиста, вынужденного уехать на благословенный Запад, но тоскующего по московской пыли или «черному морю, белому пароходу». Русский человек всегда любил эту нотку «тоски» во всем, ностальгическую струну в себе, которую по-хорошему «эксплуатирует» Вилли Токарев. Кроме того, он явил нам образ очень доступного человека, ну вроде как мы сами. Оттого зритель понимает и его привет облакам с востока, и его любовь к Нью-Йорку, и его веру в Москву.

Такой артист, свой в доску, нам сегодня необходим, мы соскучились по нему после так долго — в песнях — жившего с нами Владимира Высоцкого, вдруг покинувшего нас безвозвратно.

Нам хочется быть кем-то понятыми. Не завтра — сейчас. Нам хочется не только говорить, вернее, мы уже устали от разговоров, даже если они и очень интересны. И еще нам очень хочется отдохнуть в компании веселого, находчивого, раскованного человека, думающего вместе с нами о нашей жизни, нашем будущем. Но здесь важна мера искренности. За это мы зорко вникаем следим. Вилли Токарев хорошо это чувствует: не амикишонствует, но и не «зарывается» в туманной дали.

В этом смысле опыт жизни и выступлений на Западе пошел ему на пользу. Артист мастерски сделал свою программу. И, верно, не без эстрадной учебы «там». Чего стоит уже упомянутый мной «сход» к зрителю в самый неожиданный момент и «подогрев» зала забытыми нашими песнями. Именно непредсказуемость такого жеста, как бы братание с публикой на родной основе резко повысило температуру зала вплоть до свалки у ног «маэстро». Думалось, что это финал. Но Токарев умело рассчитал и этот шэг. Нет, он продолжил выступления, уже будучи твердо уверенным, что зритель у него в кармане, что он — его. Финальная часть концерта с блатными песнями, которые как раз известны нам, была, конечно, по внутреннему накалу ниже начала (артист устал в противоборстве с публикой за минуту до того), но так, конечно, не оценивалась залом из-за его единения с человеком на сцене.

А он, надев легкомысленную белую шляпу, взяв в руки тросточку — извечный облик героя улиц, — прошелся по своему старому «советскому» репертуару легко и непринужденно.

Можно сказать, снайперский расчет артиста на наши ожидания от свидания с ним оправдался. Давно притупился слух, не замечающий банальности стихов и музыки, уже зритель перестал оценивать песни, он просто слушал, захлестнутый своими эмоциями, которые сумел вызвать не претендуя на лавры Владимира Высоцкого или Александра Вертинского одесский бард с Запада. Что ж, Вилли Токарев сумел сделать многое.

Так что, взрослые, умудренные люди, не морщитесь брезгливо, глядя на молодежь, впадающую в экзальтацию от рока. И у вас еще не все позади, не все потеряно.

Татьяна ГЛИНКА.